

Тверская

В этой жизни надо как-то жить.
В этой жизни надо как-то смерть.
Но куда ни выберешь смотреть –
всюду виновато государство.
Ходят крысы утром по Тверской,
ходят люди, мучаясь тоской,
ходят тетки с надписью такой:
«Помогите сыну на лекарство».

У стены «Макдональдса» стоит
Улыбаясь, модный инвалид.
У него обрубок от ноги,
В левом ухе у него сережка.
У него написано вот так:
«Помогите
на
бигмак»
Люди смотрят, замедляют шаг,
И дают немножко.

Вот слепая девочка поет,
только ей никто не подает
(потому что выберет народ
инвалида, чтоб свалил отсюда).
Потому что, если не фигня,
из бигмака вырастет ступня:
вот сейчас посередине дня
Будет чудо.

Пенсия

Старушка стащила творожный сырок.
Она получила хороший урок:
Старушку за это постыдное дело
Прилюдно ругала начальник отдела.

Господи, нет!
В наушниках Dolby Stereo.
Выбегу,
Включая громкую песню.
Господи,
Я хочу стареть, как дерево,
Чтобы
не выходить на пенсию.

Голуби

Что мне Сократ, что мне Платон;
к чему ньютоны и протоны?
Куплю я нарезной батон
(люблю я свежие батоны).

Не знаю, как прожить не зря,
что в этом мире добродетель?
Батон крошу, прохожих зля,
но доставляя радость детям.
Да, инвалидов-голубей
я тоже радую.
Быть может,
кормить их – в сотни раз умней,
чем в офисе бумажки множить,
играть с компьютером в лото,
лепить на батарею жвачку...

Пусть лучше осень рвет пальто,
как обезумевший Башмачкин.

Илаяли

*Я стою и смотрю ей в глаза, а сам тут же придумываю имя, хоть никогда его не слышал. Имя скользящее и волнующее. Илаяли.
Кнут Гамсун, «Голод»*

Но пары из них не получится.
В универе закончились пары.
Смотри – голубей на крыше
Пасет горбатый чердак,
И рядом бегут троллейбусы,
Огромные, как сенбернары,
Расплескивает лужи
Чуть позади
Чудак.

Запах цветущих яблонь, запах корицы пряный
В воздухе растворились рябиной на коньяке.
Город плывет румяный.
Её обнимает пьяный.
Он сочинил ей имя
На неземном языке.

Будто бы вышел из мрака
(На это хватило мига,
Вспыхнувшего, как факел,
И оправданье всему),
Когда он заметил тихо:
«Вы потеряете книгу».

Она потеряла больше,
В ответ улыбнувшись ему.

Письмо

Здравствуй, Лиза.
До свиданья, Лиза.
Вот и все. Спасибо за беседу.
Мне сегодня утром дали визу,
Это значит, – скоро я уеду.

Было все бессмысленно и криво,
Но была, была одна отрада.
Хороши и свежи были сливы
Сливы из чиновничьего сада.

Не печалься: крыша над тобою,
А в окне еще такое лето!
Крутится ромашковое поле,
Целое ромашковое поле
Без ответа.

Памяти Джимбинова

I
Все живо: солнце и трава,
И даже смерть, – она жива
(И в смерти смерть не верьте).

Она похожа на пчелу.
Узнаешь сразу, что к чему
В пчелином танце смерти.

В пространстве между «нет» и «был»
От «столбыляств» до «дырбулщыл».

II
Смолоть кофебинов,
Залить молоком:
Так смерть отступает с утра.
Стал книгой Джимбинов.
Стал Замза – жуком,
Сестрою осталась сестра.

Страшный сон

А я не собиралась умирать
а я не собиралась умирать
Я в лес за земляничкой собиралась.

– Надень ушанку, – кто-то говорит
чтоб не схватить отит на оба уха.

– Надень ушанку, – кто-то говорит, –
Не то схлопочешь страшный гайморит.

– Надень ушанку, – кто-то говорит, –
у нас же не понос, так золотуха.

А я не собиралась умирать,
Я в лес пришла, но там стояла осень
Я вместе с ней осталась постоять,
надела шапку, как велела мать,
Но мне и в шапке было сорок восемь.

Поэзия

I

Это Игорь Владимирович Вишев,
слепой старик,
Катающийся на лыжах
в парке Гагарина.
Чтобы зрячая жена
не отстала и не потерялась, –
Он привязывает к затылку
фонарик.

II

Весна
Новодевичье
У Марии Грановской
Члена КПСС с 28 года
Свили гнездо скворцы

III

По ночам
В многоэтажке
На берегу Сены
Горели окна.

Горели так,
Что служили маяком
для кораблей, приходящих в порт.
Это были окна Флобера.
А вот это – мое окно.
И оно тоже горит по ночам,
К нему слетаются мотыльки.
А я почему-то верю и верю, как дура,
что когда-нибудь
дождусь корабля

Бабушке

Это репетиция перед старостью.
В коридорах общежития пусто и тихо.
Никто не окликнет, никто.
Не пригласит на чай,
Словно ты турист.

Комната пустеет.
Никто не трещит по сотовому,
не пьет майонез из пакета,
не устраивает срач.

Позавчера
в Литинституте закончилась сессия.
Лежу на кровати,
свернутые матрасы надо мной,
словно облака.
Я думаю о тебе, бабушка.